

## Состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии 1918–1922 гг.

**Кожухов Никита Алексеевич**

аспирант кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет.  
Россия, г. Тамбов. ORCID: 0009-0002-1814-3619. E-mail: nick-747@mail.ru

**Аннотация.** Предметом данного исследования являются пенитенциарные учреждения Тамбовской губернии в период Гражданской войны в России. Перелом в пенитенциарной системе после событий октября 1917 г. в России происходил достаточно быстро: ветхие маленькие тюрьмы подлежали закрытию. Строительство новой системы мест заключения на обломках царской России требовало больших затрат и перестроек. Разразившееся на территории губернии крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова в августе 1920 г. оказало серьезное влияние на ускоренное устройство концлагерей и их состояние. Этим и объясняется актуальность выбранного исследования – изучение пенитенциарной политики раннесоветской России на примере Тамбовской губернии. Методологической основой исследования послужили принцип историзма и объективности, а также системный подход, которые позволяют всеобъемлюще изучить пенитенциарные учреждения. Новизна данного исследования заключается в изучении состояния мест заключения конкретного региона с учетом фактора крестьянского восстания. Благодаря изучению архивных документов представляется возможность описать становление раннесоветской концлагерной системы на примере отдельной губернии в сопоставлении с пенитенциарными законодательными актами заданного периода. Как итог, данное исследование показало, что общая картина внутри пенитенциарных учреждений была довольно далека от законодательных актов, состояние мест заключения на территории Тамбовской губернии оставляло желать лучшего, условия содержания не соответствовали требованиям, описанным в установлениях советской власти. Обострившееся сопротивление деревни, переросшее в полномасштабное крестьянское восстание в Тамбовской губернии и меры советской власти, принимаемые для его скорейшего подавления, в том числе с использованием концлагерной системы, способствовало ускорению разгрома. Пенитенциарная политика в Тамбовской губернии выступила не как мера по исправлению заключенных, а как карательная система, направленная на окончательное установление советской власти.

**Ключевые слова:** тюрьма, концлагерь, арестный дом, исправительно-трудовой дом, инспекция.

Актуальность исследования обусловлена интересом к исследованию политики советской власти периода Гражданской войны в пенитенциарной сфере, которая начала свое становление на обломках имперской России. Перелом в пенитенциарной сфере после революционных событий не явился коренным, так как, с созданием на обломках старой системы новой базы реализации системы наказания, прежде всего через труд, объясняется именно событиями Гражданской войны. Изучение условий и качества отбывания наказания в местах лишения свободы в раннесоветский период, в которых содержались так называемые «враги советской власти», представляет на сегодняшний день повышенный интерес. Конкретизируя данное исследование, основанное на документах Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, а также и Российского военного государственного архива, стоит выделить непростую ситуацию на территории Тамбовской губернии в рамках Гражданской войны в России, а именно крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова в 1920–1921 гг., которое способствовало резкому увеличению мест заключения и населения внутри них. Благодаря доступности источниковой базы предоставляется возможность подвести статистику движения заключенных, которая подводилась дважды в месяц, изучить подробные данные инспекции мест заключения, в которых сообщались недостатки того или иного учреждения и меры по устранению их, а также рассмотреть решение губернских и уездных комиссий по принятию мер по улучшению условий отбывания наказания.

Из наиболее крупных и известных исследователей данной тематики на территории Центрального Черноземья стоит выделить В. Ю. Рылова [19], составившего труд по концлагерям Борисоглебска, входившего тогда в состав Тамбовской губернии, в котором изучено как состояние учреждений, так и сведения о движении заключенных. О. В. Безай [1] в своей статье

об использовании концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания предоставил сведения о количестве заключенных в разных концлагерях Тамбовской губернии. В качестве итогов Безай сообщает, что концлагерная система стала одной из мер по подавлению крестьянского восстания. Обобщенная характеристика концлагерной системы общероссийского масштаба приведена в работе С. С. Бразевича [2]. Исследование заключенных концлагерей Тамбовской губернии, в число которых входили также дети, приведены в работах П. П. Щербинина [22]. Поэтому составление комплексного труда по изучению условий содержания заключенных в местах заключения Тамбовской губернии, используя в том числе ранее накопленный опыт исследователей данной тематики, и является тем аспектом, который объясняет актуальность выбранного исследования.

После событий октября 1917 г. советская власть в пенитенциарной сфере поставила цель: «Перелом не только во всей системе управления местами заключения, но и во всей постановке отбывания наказания». Главное управление местами заключения (ранее Главное тюремное управление) было переименовано в Карательный отдел Народного Комиссариата Юстиции. Упраздняются тюремные инспекции на местах, их функции переходят к особым органам местных Комиссариатов Юстиции [20, с. 3]. Непригодные для содержания «мелкие тюрьмы» подлежали закрытию, согласно циркуляру Наркомюста РСФСР № 27 от 15 июля 1918 г. «О закрытии мелких тюрем и распределении заключенных по категориям». Основываясь на указах выше, уже в конце 1918 г. на территории Тамбовской губернии были применены попытки закрытия Темниковской, Елатомской, Шацкой и Спасской тюрем, однако после телеграммы Исполкома уездного Совдепа Елатомскую тюрьму было решено оставить из-за «обострившейся классовой борьбы в деревне» [6, л. 2]. По итогу, из 12 ранее действовавших тюрем губернии было принято оставить только 4 наиболее крупные: в Тамбове, Козлове, Борисоглебске и Моршанске [7, л. 85].

В оставшихся местах заключения уже в декабре 1918 г. наблюдается следующая проблема: заключенные жаловались на непредъявление им обвинения, в связи с чем их заключение затягивалось на более чем 48 часов. В связи с этим уже в 1918 г. намечается необходимость разгрузки тюрем [4, л. 12–13].

Особое место в пенитенциарной политике новой власти занимают исправительно-трудовые лагеря. Уже 17 апреля 1919 г. вышло постановление ВЦИК о лагерях принудительных работ [21, с. 327–332], в котором сообщалось, что концлагеря, численностью не менее 300 человек, разрешалось устраивать как в черте, так и вблизи каждого губернского города. Во главе лагеря стоял комендант, которому помогали заведующий хозяйством и заведующий принудительных работ. За порядком в лагере следил караул, состоящий из начальника, его помощника, двух отделенных и караульной команды. Что касается санитарной гигиены и медицинского надзора, то врач обязан посещать лагерь не менее двух раз в неделю, в случае экстренных заболеваний врач вызывался «во всякое время». Помимо надзора за здоровьем заключенных на врача также возлагалось наблюдение за санитарным состоянием помещения лагеря, а также за качеством продуктов для приготовления пищи. Для заключенных устанавливался 8-ми часовой рабочий день, вознаграждение за труд производилось по ставкам профсоюзов соответственной местности. Созданием концлагерей советская власть определила основную цель пенитенциарной политики – исправление заключенных путем привлечения к труду.

Одним из первых таких постоянных лагерей в губернии стал Тамбовский концентрационно-трудовой лагерь при губернском отделе управления, начавший работу 1 июля 1919 г. [8, л. 7]. В июле 1920 г. был открыт Моршанский концлагерь, вслед за ним Борисоглебский. Впоследствии к весне – лету 1921 г. на территории Тамбовской губернии будут действовать 10 таких лагерей, которые были открыты ввиду продолжавшегося крестьянского восстания. Мотивацией для открытия лагеря в Борисоглебске обозначались проживание элементов, которых необходимо было привлечь к принудительным работам через лагерь, затруднительная доставка заключенных в Тамбов, а также для привлечения к работе тылового ополчения [9, л. 11].

Уже осенью 1920 г. по причине высокого наплыва заключенных труд в Моршанском концлагере был сосредоточен на внешних работах и только лишь несколько заключенных привлечены к уборке двора и помещений.

Практически с момента открытия трех постоянных лагерей в 1920 г. обозначилась проблема переполненности. К 1921 г. через три постоянных лагеря прошло 3483 заключенных [там же]. Данная проблема будет сохраняться вплоть до ликвидации концлагерей в конце

1922 г. Ситуацию усугублял факт начавшегося крестьянского восстания на территории Тамбовской губернии, что вызвало необходимость открытия дополнительных концлагерей. Как сообщается в докладе заведующего управлением принудительных работ В. Г. Белугина в губисполком, общий тип открытых семи лагерей к лету 1921 г. – солдатские палатки, обнесенные проволочными заграждениями. Все поступающие в лагерь для заключения содержались непродолжительный период времени, после чего пересылались эшелонами в постоянные лагерь других губерний.

Обращаясь непосредственно к теме условий внутри лагерей, стоит обратиться к докладу коменданта Моршанского концлагеря от 25 октября 1920 г., который сообщает о проблемах организации: недостаток конвоя, недостаток проволоки для ограждения помещений лагеря, а также требования материалов для устройства коек заключенных. В другом докладе коменданта Моршанского лагеря от 25 февраля 1921 г. сообщается о тесноте помещений, численность населения в которых доходит до 500 заключенных, отсутствии стекол в окнах, двойных рам, отхожих мест [10, л. 4]. В августе 1921 г. был обследован концлагерь при станции Сампур. Лагерь был рассчитан на 1500 узников. На момент обследования располагалось 1325 палаток, которые вмещали не всех узников: 200 человек лежали под открытым небом. В день осмотра в лагере было 2152 заключенных. Горячая пища не готовится из-за отсутствия дров. Высокая заболеваемость холерой: в августе умерло 72 человека [14, л. 25].

Общая проблема всех лагерей, организованных в период крестьянского восстания в Тамбовской губернии, – их переполненность. К 21 июня 1921 г. в Кирсановском полевом лагере № 8 заключенных всех категорий было 1013 человек [12, л. 220]. В Тамбовском концлагере на 28 июля состояло 3657 заключенных всех категорий, из которых заложники были сняты с продовольствия [13, л. 24]. Неоднократные обращения о разгрузке мест заключения Тамбовской губернии ситуацию коренным образом не изменяли. Так, в записке Президиуму губисполкома сообщалось об угрожающем положении в Кирсановском арестном доме в отношении голодающих заключенных, антисанитарии, развитии эпидемических заболеваний, а также ввиду невозможности увеличить число пайков. Заведующий губернским отделом управления просит срочно принять меры при разгрузке арестного дома [15, л. 120]. Предшествующее обследование Кирсановского арестного дома показало, что на 70 мест приходится 114 заключенных при получении 14 пайков. Врач указал на необходимое закрытие ардома с целью ремонта и дезинфекции [там же, л. 121]. Аналогичная информация исходит из протокола заседания Тамбовской уполиткомиссии 28 июля 1921 г., на котором сообщалось, что в Тамбовском концлагере заключенные были сняты с продовольствия, а соответствующая телеграмма по данному вопросу осталась без ответа [13, л. 24].

Стоит также упомянуть тот факт, что проводя репрессивную политику по отношению к повстанцам и их семьям, в концлагеря губернии попадали также дети. По сведениям на 1 августа в 10 концлагерях содержалось детей до 3-х лет 397, до 5 лет 758, всего 1155 при не самых точных сведениях, ввиду различных перегруппировок [17, л. 256]. Из доклада врача Берлина от 30 июля этого же года следует, что в Кирсановском лагере положение детей крайне катастрофическое, помимо необходимости удаления детей из концлагеря, необходимо было также увеличить санитарный надзор, открыть баню и дезинфекционную камеру [12, л. 220], которые ранее, по всей видимости, отсутствовали. Двумя днями ранее Тамбовская уполиткомиссия постановила освободить матерей с детьми из Тамбовского концлагеря в возрасте от 1 до 10 лет, оставляя заложниками на местах [13, л. 24]. Вопрос о содержании детей-заложников в концлагерях не раз поднимался на заседаниях различных комиссий, тем не менее решения, которые принимались на местах о вопросах содержания, не всегда принимались в одночасье, а дети продолжали находиться в лагерных застенках.

Еще одна категория заключенных, которую стоит выделить, – военнопленные поляки, попавшие в места заключения губернии в ходе советско-польской войны. Как следует из сборника документов, на 20 декабря 1920 г. в Тамбовском и Моршанском концлагерях находилось 220 военнопленных поляков [18, с. 197]. Несмотря на все приказы о «великодушном отношении к пленным», положение поляков в лагерях выглядело не лучше, чем у заключенных повстанцев: «Отсутствует одежда, обувь, недостаток продовольствия и полное отсутствие духовной пищи и политического воспитания, неимение библиотеки и газет и не посылка за все время к ним от Укомпарта агитаторов и лекторов» [5, л. 77 об.].

Помимо концлагерей, на территории Тамбовской губернии располагались и другие места заключения. Однако стоит сказать, что они мало чем отличались по категории от выше-

указанных концлагерей, так как те же категории арестантов отбывали наказание в остальных местах заключения. Ранее сообщалось о ситуации в Кирсановском арестном доме, который по всем критериям являлся обыкновенным концлагерем. В конце 1921 г. был обследован Исправительно-трудовой дом № 1 в Тамбове, из которого следует следующее: здание Труддома ветхое, несоответствующее требованиям карательно-воспитательной политики. Внутренний вид камер грязный, в некоторых из них штукатурка стен и потолка обрушилась. Цементные полы нижнего этажа в выбоинах. Вторых рам в окнах нет вовсе. Стекла в рамах приблизительно на 25 % отсутствуют – места забиты досками недостаточно плотно так, что имеются щели. Отопление тюрьмы производится посредством железных печей, за исключением камер № 15 и № 16, в которых печей вовсе нет, но вследствие перегруженности температура достигает приблизительно 19 градусов по реомюру. Вместимость в тюрьме рассчитана максимум на 350 человек, по списку состоит на 18 декабря 1150 человек [3, л. 101]. Арестный дом в Моршанске, располагавшийся в здании тюрьмы, также был переполнен: на 70 штатных мест приходилось 437 заключенных. Камеры загрязнены, выгребные ямы переполнены, кипяток выдается раз в сутки. Питание крайне плохое, хлеб отсутствует [10, л. 23]. Такая же ситуация сложилась к весне 1921 г. в помещении для содержания заключенных 3 отделения Особого Отдела и на гарнизонной гауптвахте: камеры переполнены заключенными, санитарное состояние мест заключения оставляло желать лучшего, питание скудное. Данные документы говорят сами за себя о состоянии внутри мест заключения.

В 1922 г. в докладе Губернскому экономическому совещанию управление местами заключения сообщало, что с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. через места заключения Тамбовской губернии прошло в среднем от 1540 до 1950 человек ежемесячно при общей вместимости в 900 мест. Находящиеся на государственном обеспечении места заключения получали только 50 % средств от действительной потребности: средств едва хватало только на содержание личного состава. Ухудшению положения мест заключения способствовал также переход на содержание за счет местного бюджета [11, л. 38].

В 1922 г. большинство концлагерей Тамбовской губернии будут ликвидированы, о чем свидетельствует справочная книга за 1923 г., где в ведомстве губернского управления местами заключения будут значиться лишь 6 учреждений во всей губернии [16, с. 93].

Подводя итог данному исследованию, стоит сказать, что реформационные процессы пенитенциарной сферы, начавшиеся в 1917 г., сложно назвать удавшимися, учитывая фактор Гражданской войны, крестьянского восстания в Тамбовской губернии и разного рода сопротивления советской власти. Во многом такая политика способствовала завершению победой советов в Гражданской войне и окончательному установлению советской власти на территории Тамбовской губернии. Формальные различия мест заключения говорят о том, что советская власть, конкретно в Тамбовской губернии, использовала их для скорейшей победы, поэтому говорить о том, что советская пенитенциарная модель прошла период формирования и состоялась как система, направленная на исправление преступника через труд, в заданный период не приходится. Соглашаясь с тезисом О. В. Безая [1] и дополняя его исследованием – помимо концлагерей, пенитенциарные учреждения Тамбовской губернии были направлены на скорейшее подавление сопротивления и установление советской власти. Проводившиеся инспекции мест заключения, статистические данные тех лет дают достаточно полную картину происходившего внутри учреждений. Неоднократные прошения о разгрузке мест заключения, о выделении средств на их содержание, переполненность лагерных застенков ввиду обострившегося сопротивления советской власти – все это создавало препятствия для формирования новой пенитенциарной модели, основанной на исправлении заключенных, прежде всего, через трудовую деятельность.

### Список литературы

1. Безай О. В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 18–22.
2. Бразевич С. С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб, 2017. Т. 20. № 4. С. 108–134.
3. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1101.
4. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 1314.

6. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 508. Оп. 5. Д. 508.
7. ГАТО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 2.
8. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 580.
9. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 581.
10. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 702.
11. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 795.
12. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3. Д. 52.
15. ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 1. Д. 128.
16. Грызлов П. Вся Тамбовская губерния: справочная книга на 1923 год / сост. П. Грызловым и М. Хруновым. Тамбов : Пролетарский светоч. 530 с.
17. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315.
18. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы) : документы и материалы. М., 2004. 403 с.
19. Рылов В. Ю. Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронеже. 1919–1922 гг. // Из истории Воронежского края. 2011. Т. 18. С. 233–248.
20. Сборник действующих циркуляров Центрального Карательного Отдела НКЮ за 1917–1920 гг.: с приложением предметного указателя / РСФСР. М. : Издание Центрального Карательного Отдела, 1921. 190 с.
21. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. 1482 с.
22. Щербинин П. П., Чубаров А. И., Щербинина Ю. В. Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям // Вестник Тамбовского университета. 2019. Т. 24. № 182. С. 260–271.

## The state of the penitentiary institutions of the Tambov province in 1918–1922

**Kozhukhov Nikita Alekseevich**

postgraduate student of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University.  
Russia, Tambov. ORCID: 0009-0002-1814-3619. E-mail: nick-747@mail.ru

**Abstract.** The subject of this study is the penitentiary institutions of the Tambov province during the Russian Civil War. The turning point in the penitentiary system after the events of October 1917 in Russia occurred quite quickly: dilapidated small prisons were subject to closure. The construction of a new system of detention facilities on the ruins of tsarist Russia required high costs and rebuilding. The peasant uprising that broke out on the territory of the province under the leadership of A. S. Antonov in August 1920 had a serious impact on the accelerated construction of concentration camps and their condition. This explains the relevance of the chosen study – the study of the penitentiary policy of early Soviet Russia on the example of the Tambov province. The methodological basis of the study was the principle of historicism and objectivity, as well as a systematic approach that allows a comprehensive study of penitentiary institutions. The novelty of this study lies in the study of the state of places of detention in a particular region, taking into account the factor of the peasant uprising. Thanks to the study of archival documents, it is possible to describe the formation of the early Soviet concentration camp system on the example of a separate province in comparison with penitentiary legislative acts of a given period. As a result, this study showed that the overall picture inside penitentiary institutions were quite far from legislative acts, the state of places of detention in the Tambov province left much to be desired, the conditions of detention did not meet the requirements described in the decrees of the Soviet government. The aggravated resistance of the village, which turned into a full-scale peasant uprising in the Tambov province and the measures taken by the Soviet government to suppress it as soon as possible, including using the concentration camp system, contributed to the acceleration of the defeat. The penitentiary policy in Tambov province acted not as a measure to correct prisoners, but as a punitive system aimed at the final establishment of Soviet power.

**Keywords:** prison, concentration camp, house of arrest, correctional labor house, inspection.

### References

1. Bezaj O. V. *Ispol'zovanie konclagerej v hode podavleniya Tambovskogo vosstaniya 1920–1921 gg.* [The use of concentration camps during the suppression of the Tambov uprising of 1920–1921] // *Manuskript – Manuscript*. 2018. No. 8 (94). Pp. 18–22.
2. Brazevich S. S. *Koncentracionnye lagerya kak organizovannaya forma politicheskogo nasiliya v poslerevolucionnoj Rossii: istoriko-sociologicheskij analiz* [Concentration camps as an organized form of political

- violence in post-revolutionary Russia: a historical and sociological analysis] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* – Journal of Sociology and Social Anthropology. SPb, 2017. Vol. 20. No. 4. Pp. 108–134.
3. SASPHTR (State Archive of Socio-political History of the Tambov region). F. 840. Inv. 1. File 1101.
  4. SASPHTR. F. P-837. Inv. 1. File 13.
  5. SASPHTR. F. P-837. Inv. 1. File 1314.
  6. SATR (State Archive of the Tambov region). F. 508. Inv. 5. File 508.
  7. SATR. F. 716. Inv. 3. File 2.
  8. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 580.
  9. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 581.
  10. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 702.
  11. SATR. F. R-394. Inv. 1. File 795.
  12. SATR. F. R-4049. Inv. 1. File 1.
  13. SATR. F. R-4049. Inv. 1. File 5.
  14. SATR. F. R-4075. Inv. 3. File 52.
  15. SATR. F. R-5201. Inv. 1. File 128.
  16. *Gryzlov P. Vsyā Tambovskaya guberniya: spravochnaya kniga na 1923 god* [The whole Tambov province: a reference book for 1923] / by P. Gryzlov and M. Khrunov. Tambov. Proletarian light. 530 p.
  17. RSMA (Russian State Military Archive). F. 33988. Inv. 2. File 315.
  18. *Pol'skie voennoplennyye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody) : dokumenty i materialy* – Polish prisoners of war in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922) : documents and materials. M., 2004. 403 p.
  19. *Rylov V. Yu. Prinuditel'nyj trud i koncentracionnye lagerya v Voronezhe. 1919–1922 gg.* [Forced labor and concentration camps in Voronezh. 1919–1922] // *Iz istorii Voronezhskogo kraja* – From the history of the Voronezh region. 2011. Vol. 18. Pp. 233–248.
  20. *Sbornik dejstvuyushchih cirkulyarov Central'nogo Karatel'nogo Otdela NKYu za 1917–1920 gg.: s prilozheniem predmetnogo ukazatelya* – Collection of current circulars of the Central Punitive Department of the NKYu for 1917–1920: with the appendix of the subject index / RSFSR. M. Edition of the Central Punitive Department, 1921. 190 p.
  21. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* – Collection of laws and orders of the government for 1919. Administration of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M., 1943. 1482 p.
  22. *Shcherbinin P. P., Chubarov A. I., Shcherbinina Yu. V. Deti-siroty v gody Grazhdanskoj vojny: ot besprizornosti k konclageryam* [Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps] // *Vestnik Tambovskogo universiteta* – Herald of Tambov University. 2019. Vol. 24. No. 182. Pp. 260–271.